

В. В. Быконя, Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 1980.

20 марта 1984 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации В. Быконя «Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке». Исследование выполнено под руководством доцента кандидата филологических наук Э. Беккер (Томск). Официальными оппонентами выступили профессор доктор филологических наук А. Кюннап (Тарту) и кандидат филологических наук Е. Хелимский (Москва).

Автор работы ставит перед собой цель изучить в структурно-семантическом плане послелого и наречия, которые используются в селькупском языке для выражения локальности. Источниками послужили ценные рукописные записи по селькупскому языку, собранные в течение десятилетий томскими исследователями у носителей современного селькупского языка (55 рукописных томов в Томском государственном педагогическом институте), в том числе самим автором (экспедиции 1973, 1975, 1977 и 1978 гг.), а также ряд опубликованных данных по селькупскому языку, записанных М. А. Кастреном и Прокофьевыми.

Применяется главным образом дескриптивный метод, при необходимости автор прибегает к сопоставительному и статистическому методам.

В. Быконя выявила свыше 130 послелогов локального назначения, провела их подразделение на серийные и несерийные, дала им точные семантические характеристики, описала их строй. Серийные послелого она делит на простые и сложные. Под последними имеются в виду послелого, вторым компонентом которых является слово *peläk* 'сторона, половина, часть'. Эти сложные послелого, приводимые автором, вызывают большой интерес, в частности, в плане их соотношения с подобными сложными послелогоми в обско-угорских языках. Предстоит выявить обстановку в отношении наличия

подобных послелогов во всей самодийской языковой семье. (Возможно, не совсем точно называть их сложными послелогоми, но вопрос не в названии). Определенные соответствия им имеются и в финно-угорских языках, например, эст. *allpool vööd* 'ниже пояса' (*pool* 'сторона, половина'). Очень интересны зафиксированные автором случаи употребления послелогов во множественном числе (с. 37). В специальной литературе ставился вопрос о выступлении в самодийских языках послелогов и наречий в этом числе. Новые данные по селькупскому языку, несомненно, значительно продвинул его решение. Достоверными следует считать рассуждения автора о распространении падежных форм существительного в последовательных конструкциях селькупского языка: часть форм, похожих ныне на номинативы, может иметь генитивный исход (с. 106—108). Внимание привлекают случаи комбинирования послелогов с аккузативом, встречающиеся в различных разделах работы. Хорошо, что В. Быконя проследила частотность их выступления, которая оказалась очень незначительной. Однако факт их определенного распространения привлекает самое серьезное внимание.

Заслугой автора является детальное разграничение локальных наречий на две категории: 1) используемые только в качестве обстоятельства места и 2) выполняющие как эту роль, так и роль послеложную.

Новыми данными и интересными выводами насыщена глава, в которой рассматриваются наречия, используемые в функциях, близких к функциям глагольных префиксов в индоевропейских языках.

В результате исследования В. Быконя перед нами встает сложная система средств, выражающих пространственные отношения в селькупском языке. Четкий анализ этой системы проведен на хорошем научном уровне и он привел к стройному описанию системы в плане ее структуры и функции. Автор хорошо

ориентируется в специальной литературе, владеет методами научного анализа.

Однако в работе встречаются и отдельные моменты, с которыми трудно согласиться или которые вызывают сомнения. Название ее «Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке» нельзя считать вполне удачным, так как оно не раскрывает сущности исследования. Более точным было бы примерно такое название: «Послелого, наречия и глагольные префиксы как локальные уточнители в селькупском языке». Ведь под локальными уточнителями можно понимать и локальные падежи, но они автором не рассматриваются, о чем читатель узнает лишь на с. 13 (там же у автора, впрочем, получается, что наречия — самые неточные уточнители, а падежи — более точные). Особую проблему составляет вопрос о том, как в селькупском языке вообще называть то, что В. Быконя именует глагольным префиксом (к этому вернемся ниже).

Автор указывает, что селькупский язык относится к самодийской группе, которая включена в группу «языков народностей Севера» (с. 4). Это конечно, правильно, но куда важнее для определения селькупского языка указать на генетическую связь самодийских языков с финно-угорскими.

Безоговорочно принимает В. Быконя тезис Е. Хелимского о том, что южносамодийские языки не обнаруживают большей близости друг к другу, чем к северносамодийским языкам (с. 7). Действительно, нельзя считать опровергнутой точку зрения, согласно которой южносамодийские языки проявляют ряд таких сходств между собой, которые не присущи северносамодийским языкам (см. особенно А. К ü n n a p, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I (MSFOu 164), с. 204—208). Определенную близость селькупского и камассинского языков в области морфологии, синтаксиса и идиоматики — на фоне данных ненецкого и энецкого языков — признает и сам Е. Хелимский (см. Е. А. Х е л и м с к и й, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва 1982, с. 44).

Удивляет неиспользование (или незнание?) автором такого фундаменталь-

ного труда, как «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)» (Москва 1974). Это же следует сказать о некоторых основополагающих книгах Б. Коллиндера и П. Хайду. Следует сожалеть о незнании автором трудов по селькупскому языку Х. Катца, содержащих много интересных языковых фактов и их толкований. Трудно пришлось автору и без общесамодийского этимологического словаря Ю. Янхунена (J. J a n h u n e n, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977) — ведь многие этимологии В. Быконя дает на ощупь, неполно, а у Ю. Янхунена они уже имеются.

В. Быконя не приводит соответствий в других самодийских языках сельк. *tak* 'зад; корма' и производным от него послелогам (кроме ненецкого, см. с. 82—86). В то же время мы имеем здесь дело с общесамодийской основой и с семьей общеупотребительных в этих языках послелогов (а на такие соответствия В. Быконя в подобных случаях обычно указывает). Непонятен анализ форм Фарк. *čadəndəgo* в качестве «*čotī* + суф. ген. + суф. трансл.» (с. 111) — чем является компонент *-də-*? Сомнение вызывает анализ формы таз. *qošanogo* как структуры «основа + суф. ген. + суф. трансл.» (с. 111—112) — как объяснить *-o-*?

При рассмотрении послелога *pulä* и его предполагаемого перехода в суффикс (с. 119—120) следовало бы обязательно учесть статьи П. Хайду «Das sölkupische Translativsuffix *-wlä*» (FUF XL, с. 20—28) и Х. Катца «Bemerkungen zum selkupischen Translativ-Suffix *«-wlä»*» (NyK 81, с. 373—379), в которых подробно анализируется вопрос о возможности такого перехода. В. Быконя сравнивает селькупский язык по отсутствию четкой границы между наречиями, послелогам и глагольными префиксами с древними индоевропейскими языками (с. 138), но забывает, что данное явление вообще свойственно языкам уральской семьи.

Рассматривая вопрос о происхождении окончания творительного падежа *-sä* в селькупском языке (с. 165—166), В. Быконя не учитывает новые точки зрения по этому вопросу (см. А. К ю н н а п, Об инструментале южносамодийских языков. — СФУ VII, с. 205—218).

Вместо термина «глагольный префикс» было бы правильнее при анализе селькупского языка использовать термин «преверб», как это делают А. Кузнецова и Е. Хелимский (см. А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект I, Москва 1980, с. 310—313). При этом они дают достаточное обоснование своему выбору этого термина: «... во-первых, за пределами глагольной системы префиксация в селькупском языке полностью отсутствует и, во-вторых, сочетание «преверб + глагол» с фонетической точки зрения обычно не представляет собой единого слова» (там же, с. 310). Автор ссылается на соответствующие страницы этой работы, но термина «преверб», к сожалению, не

принимает. Следует считать этот термин более подходящим в подобных случаях и для других уральских языков. Однако учитывая, что эти превербы не всегда занимают позицию перед глаголом, как в случае селькупского языка указывает сама В. Быконя (с. 176), нужно было бы найти более удачный термин.

Естественно, отдельные отрицательные или спорные моменты не умаляют общей ценности исследования. Автором вводится в научный оборот разработка крупного раздела грамматического строя селькупского языка, представляющая большой интерес для специалистов и других уральских языков, а также общего языкознания. В научный оборот вводится также большое количество новых языковых данных.

АГО КЮННАП (Тарту)

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ВЕНГЕРСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Международные конгрессы по разным вопросам венгерского языкознания проводятся Институтом языкознания Венгерской Академии Наук совместно с Венгерским языковедческим обществом один раз в шесть лет в одном из городов ВНР. Конгрессы проводятся по определенной тематике. Данный конгресс, состоявшийся 23—26 августа 1983 г. в г. Сомбатхее, был посвящен вопросам членения венгерского языка.

Выбор пал на данную тематику вполне закономерно: в соответствующей области венгерского языкознания за последние десятилетия произошел значительный подъем, появилось много работ по вопросам особенностей литературного и общеразговорного вариантов языка, по проблемам разных групповых и профессиональных языков, расширились систематический сбор и изучение диалектов. В то же время в обобщающем толковании особенностей этих разновидностей венгерского языка наблюдается определенный разнобой, а иногда и противоречивость, нет единства в употреблении терминологии, проблема членения венгерского языка недостаточно связывается с подобными проблемами других языков.

Поэтому не случайно первое пленарное заседание было посвящено выяснению основных теоретических вопросов членения языка, определению принципов и методов изучения вариантов венгерского языка.

Три пленарных доклада отражали главные вопросы членения языков, каждый из них в венгерской языковедческой литературе до сих пор получал разное и подчас противоречивое толкование. Первый доклад (докладчик Л. Бенкё) рассматривал проблему разграничения понятий «литературный язык» и «общеразговорный язык», основные черты указанных вариантов языка, их взаимовлияние. Во втором докладе пленарного заседания (докладчик Ш. Имре) анализировалось диалектное членение венгерского языка, выявлялись признаки диалектной речи в отличие от литературного и особенно от разговорного языка. Третий пленарный докладчик Л. Гречи изложил основные особенности профессиональных и групповых языковых вариантов, в частности в области венгерского языка, определил предпосылки возникновения соответствующих разновидностей языка. Построенные на материале родного языка, эти доклады — как и выступления за-